

Автор: Чаплина Валентина Семеновна

Книга: Николка и иголка

Повесть: Отчего она не сказала?

В зале, где была устроена выставка, толпилось много народу. Кроме учеников, здесь были взрослые мужчины и женщины: сегодня в некоторых классах проводились родительские собрания.

– Пускай, пускай все посмотрят, – подумала Зина, войдя в зал и самодовольно улыбаясь.

Возле стола их класса стояли несколько женщин.

– Моя младшая только в первом учится, – услышала Зина незнакомый голос, – а я ей уже рисунок для вышивки купила. Кота с бантом. Пускай привыкает.

– Попробовали бы они пейзаж вышить, а то кот с бантом. Чепуха какая! – подумала Зина и прислушалась.

– Может, и моя когда-нибудь выучится так же вышивать, как эта... – женщина склонилась над столом, видимо, читая табличку. – Как эта Зинаида Соловьёва. Красота-то какая, глядите!

Услыша эти слова, Зиночка чуть не задохнулась от восторга. Ей захотелось крикнуть на весь зал, на всю школу:

– Это я! Я – Зинаида Соловьёва! Я! Посмотрите на меня!

– Матери-то радость видеть, что дочка умница, не бездельничает, – звучал тот же незнакомый голос. – Мать-то, небось, больше дочки рада.

– Обязательно попрошу маму, чтобы купила мне красные туфельки с кисточками и зелёную сумку с двумя ручками, в универмаге продаются, – решила Зиночка. – Должны же родители чем-то отметить её победу с вышивкой. А то она возьмёт и им назло не будет больше вышивать. Пускай талант зря пропадает.

Женщины постояли, поахали и перешли к следующему столу.

Зина мельком оглядела все вещи своего класса, но зимнего пейзажа, который она вышивала, почему-то не увидела. С удивлением ещё раз быстро пробежала глазами по столу. Её вышивки не было. Снова прочитала табличку на стене: «V-й кл. «а». Как же так? Где она делась? Ведь говорили, что в самом центре...

Зина побежала к соседнему столу, над которым висела табличка «V-й кл. «б», потом дальше. Её зимнего пейзажа нигде не было. Но ведь только сейчас произносили её фамилию... Зина не обращала внимания ни на кого вокруг, она смотрела на столы. Вдруг чьи-то мягкие женские руки схватили её за плечи. Зина подняла голову. Перед ней стояла мамина приятельница.

– Зиночка, какой ты молодец! Неужели это твоя работа?

– Моя, моя, а где она?

Мамина приятельница потащила Зину к столу их класса, надела пенсне и уткнула нос куда-то между фанерной полочкой и деревянной шкатулкой.

– Когда ты научилась так вышивать? – спросила она выпрямляясь.

Зина посмотрела в то самое место, где только что был нос маминой приятельницы, и... не поверила глазам, а потом холодные мурашки побежали у неё по спине. На белой таблице чёрной тушью было аккуратно выведено «Работа Зинаиды Соловьёвой», а под ней лежал чужой, незнакомый маленький ковёр, который она видела первый раз в жизни. – Что с тобой, Зиночка? Почему ты стоишь, как каменная? – тормозила её за рукав мамина приятельница.

Зина округлившимися глазами неподвижно глядела на вышивку. Вдруг она резко повернулась:

– Пустите, что вы меня держите? – Но сильные взрослые руки её не отпускали. Тогда Зина уткнулась лицом в тётиное мягкое шерстяное платье, от которого пахло «Красной Москвой», и замерла.

– Соловьёва, что же ты нос спрятала? – услышала она голос учителя пения Ивана Ивановича. – Твоя работа одна из лучших. Обязательно пришлю дочку, чтоб поглядела, как у нас пятиклассницы вышивают.

Зина оторвала лицо от пахучего платья и увидела, что все, стоящие около стола, смотрят на неё. Одна незнакомая женщина даже по голове её погладила:

– Скромная, видать. Застеснялась, что похвалили. Рядом с Иваном Ивановичем стоял Николка, и лицо у него было какое-то удивлённое, встревоженное, будто случилось что-то. Зина никогда не видела у него такого лица, но сейчас ей было не до Николки. Она ещё раз взглянула на ту чужую работу и... выбежала из зала.

Почему произошла ошибка? Всё было так прекрасно и в один миг разрушилось. Зина шла домой, а по щекам текли горькие, обидные слёзы. Хорошо, что на улице стемнело, и никто их не видел.

Отчего она не сказала, что это не её работа? Отчего? Ведь в любой момент, может быть, завтра, может быть, даже сейчас обнаружится эта ошибка, и все увидят, что Зину хвалили зря, что не надо было о ней писать в стенгазете. При мысли об этом слёзы из Зининых глаз закапали ещё сильнее. Она вытирала их голубой варежкой, но они всё равно катились и катились по мокрым щекам.

– А куда же мог деться мой зимний пейзаж?

Зина помнила, что вечером, накануне восьмого марта, она завернула свою вышивку в белую бумагу и отдала бабушке. Бабушка должна была утром отнести её Тане, которая жила в их доме, только в другом подъезде. Зина даже помнит, как бабушка взяла белый свёрточек и, положив в кухне на окно, сказала:

– Только б не забыть.

Прямо в пальто Зина побежала к кухне. На окне, в том месте, куда бабушка положила её вышиванье, стояла большая зелёная кастрюля. Зина глянула за кастрюлю, и опять холодные противные мурашки побежали у неё по спине. За кастрюлей, прижатый её зеленым боком к стеклу окна, лежал свёрток.

Не веря своим глазам, дрожащими пальцами Зина развернула бумагу. В лицо ей глянул надоевший зимний пейзаж, вышитый крестиком по напечатанному рисунку. Под снегом дом в два оконца, дым из трубы, лохматый кустик, дорога, бледно-зелёное небо и голубая берёза.

Значит, бабушка забыла отдать его Тане, и за кастрюлькой свёрток никто не заметил. А бабушки уже несколько дней не было дома. И Зина вспомнила, что утром именно восьмого марта бабушка ушла в дом к другой дочери, которую увезли в больницу, и с тех пор смотрела там за внучатами.